
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 1 (70). 2021. Том 11

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений»
включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО

д.п.н., профессор Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вадим Витальевич
ГАЙДУК

д.п.н., профессор Башкирского государственного
университета

Леопадия Михайловна
ДРОБИЖЕВА

д.и.н., руководитель Центра исследования
межнациональных отношений Института Социологии
ФНИСЦ РАН

Владимир Юрьевич
ЗОРИН

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

Раушан Мухахановна
КАНАПЬЯНОВА

д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МГИК

В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ

д.и.н., профессор кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов

Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ

д.и.н., профессор Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина

Игорь Георгиевич
КОСИКОВ

д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА

д.и.н. профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА

к.п.н., ответственный редактор

Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ

Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ

д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Вильям Владимирович
ШМИДТ

д.ф.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Медведев Н.П. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Дробичева Л.А.,
Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН

В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор
журнала: 1,006

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4

Тел.: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 25.01.2021.

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 0000.

Отпечатано
в типографии PrintUP

117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals

Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал *ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rosspchat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “*Issues of National and Federative Relations*” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethnopoltics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

<i>Сыздыкова Ж.С.</i> К вопросу о трансформации адыгского общества	10
<i>Темчук Е.И., Степанов А.С.</i> Кампания 1917 года – несостоявшийся триумф русского оружия	16
<i>Семенов А.А.</i> Формирование Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее чрезвычайных органов в Среднем Поволжье в 1917-1919 гг.	28
<i>Волков А.П., Волков А.А.</i> Военно-юридическая академия РККА в годы Великой Отечественной войны: некоторые аспекты истории	37
<i>Булатов И.А., Быстрова Ю.М.</i> Несколько слов о дате возникновения Национальной организации русских разведчиков	46
<i>Ушмаева К.А., Гончаров А.С.</i> Социальные стереотипы о казачестве в советских фильмах «Над Кубанью», «Даурия» и «Отчий дом»	56
<i>Никитин А.А.</i> Динамика уровня преступности в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века	64
<i>Темерев Д.В.</i> Путь к созданию системы коллективной безопасности в Европе	72
<i>Боброва В.В.</i> Транспортная ситуация и снабжение населения Арктической зоны на примере Анабарского района Республики Саха (Якутия)	77

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

<i>Болтенкова Л.Ф.</i> Библия как источник права (часть четвертая)	88
<i>Кудашев Р.Ш.</i> Подходы к интерпретации понятия «наднациональность»	102
<i>Федорищев К.М.</i> Идеи университета: истоки концепции либерального образования Майкла Оукшотта	108

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

<i>Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю.</i> Идентичность в национальном и региональном измерении	114
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Курас К.Ю.</i> Влияние имиджа исполнительной власти на социально-политическую ситуацию в регионе (на примере Калининградской области)	128
<i>Червяков Н.В.</i> Технологии выборов будущего	134
<i>Ефремов Д.И.</i> Проблемы и перспективы российско-украинских межэлитарных контактов: 1991-2014	139

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

<i>Михайлова О.Н., Толок Е.С.</i> Гуманитарно-образовательные основания формирования политико-правовой активности и совершенствования электорального поведения современной вузовской молодежи.....	148
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

<i>Залысин И.Ю.</i> Противодействие терроризму: цели, субъекты, модели	158
<i>Чаевич А.В.</i> Миротворческая деятельность России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве.....	165
<i>Каратуева Е.Н.</i> Технологический терроризм: новые угрозы.....	174

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

<i>Гулиева Н.О.</i> Отношения Турция – Евросоюз (1992-2013): проблемы и перспективы	181
<i>Умеров Д.А.</i> Методические аспекты исследования двусторонних международных отношений	193
<i>Лян Цзячу.</i> Космическая дипломатия КНР: некоторые проблемы (с развивающимися странами).....	203
<i>Самусева О.А.</i> Инновации в политике КНР XXI в.	209
<i>Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е.</i> Динамика международных политических процессов в контексте пандемии COVID-19	215
<i>Чэнь Ханьчжи.</i> Проблемы профессиональных компетенций политических элит в Китае	223
<i>Будник А.И., Григорьева Т.В., Кан А.А.</i> Продолжает ли современная цивилизация оставаться «цивилизацией войны»? Предупреждения и «новое мышление» Римского клуба «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet».....	229

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Степанов А.С., Ченцов А.С.</i> Некоторые аспекты освободительной миссии Красной армии в Австрии	235
<i>Сыздыкова Ж.С., Фатеев А.В.</i> Особенности взаимодействия Казахского ханства и Ногайской Орды XV-XVI вв.	244
<i>Макаров Е.П., Макарова Т.Е.</i> Образовательная политика и формирование социально-нравственных представлений у старших дошкольников в детских садах Великобритании	251

Франческо Рубини. Историография о маршале Л.Н. Даву в бою под Салтановкой 1812 г.....	261
Ахмад Моса Зиауддин, Абдул Кахер Абдул Кадер, Ишакзаи Ахмад Джавед. Афганистан и его столетняя внешняя политика	272
НАШИ АВТОРЫ	282
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	289

КАМПАНИЯ 1917 ГОДА – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТРИУМФ РУССКОГО ОРУЖИЯ

Статья посвящена всестороннему рассмотрению кампании 1917 года на Восточном фронте Первой мировой войны, ставя цель дать объективное объяснение наиболее загадочному парадоксу в истории конфликта, состоявшим в том, что одной из ключевых держав победившей коалиции не оказалась в числе победителей и, был ли такой сценарий развития событий неизбежным и единственно возможным для Российской империи на тот исторический момент.

Ключевые слова: *Первая мировая война, кампания 1917 года, Русский фронт, Российская империя, Антанты, Центральные державы, революция.*

E.I. TEMCHUK

*Researcher of the research center
of the Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

A.S. STEPANOV

*Doctor of historical Sciences, Leading Researcher,
Research Center (Fundamental Military-Historical Problems),
Military University of the Ministry of Defense of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

THE 1917 CAMPAIGN – THE FAILED TRIUMPH OF RUSSIAN ARMS

The article is devoted to a comprehensive review of the 1917 campaign on the Eastern front of the First world war, aiming to provide an objective explana-

tion of the most mysterious paradox in the history of the conflict, which consisted in the fact that one of the key powers of the winning coalition was not among the winners and whether such a scenario was inevitable and only possible for the Russian Empire at that historical moment.

Key words: *World war I, the 1917 campaign, the Russian front, the Russian Empire, the Entente, the Central powers, the revolution.*

1917 год для большинства жителей постсоветского пространства давно и прочно ассоциируется с революционными событиями, начиная от падения самодержавия в феврале-марте, и заканчивая октябрьским захватом государственной власти партией большевиков. При этом, далеко на заднем плане остается то обстоятельство, что на международной арене по-прежнему шла Первая мировая война, участие нашей страны в которой не аннулировалось тот час со свержением старого режима, а продолжалось еще довольно долгое время несмотря на углублявшийся месяц от месяца политический кризис. В отличие от предшествующих этапов конфликта 1914-1918 гг., непосредственно боевым действиям в 1917 году отечественная историография уделяет немного внимания, как правило, ограничиваясь поверхностным описанием ряда военных провалов разложившихся вооруженных сил, в качестве очередного примера последствий все тех же происходивших в России революционных процессов. А между тем, именно эту кампанию державы Антанты тогда рассматривали не иначе, как решающую, финальную и, само собой, победную, отнюдь не планируя затягивать войну до ноября 1918 года, что случилось в действительности. На чем же основывался такой, казалось бы, неуместный и преждевременный оптимизм?

Кампания 1916 года, отличившаяся особым напряжением сил и кровопролитием, по праву могла считаться переломным моментом Первой мировой, в ходе которого обе стороны с фанатичным упорством пытались овладеть стратегической инициативой, с самого начала боевых действий пребывавшей в шатком равновесии. По итогам серии ключевых батальей года: Ютландский морской бой, штурм Вердена, прорыв на Волыни-Галиции, битва на Сомме, Эрзиджанско-Огнотское сражение; Центральные державы либо потерпели серьезные поражения, либо понесли тяжелые, не оправдавшие себя, потери, оправиться от которых в полной мере уже не могли.

Согласно объективному выводу участника событий и крупного военного историка А.М. Зайончковского: «В общем 1916 г. был годом перелома, подорвавшим в корне военную мощь Центральных держав и, наоборот, доведшим силы Антанты до кульминационного развития. Это был год, определивший победу Антанты в будущем... 1917 год по материальным признакам сулил широкие перспективы для Антанты. Она серьезно могла

рассчитывать на победоносное окончание войны в этом году. Соотношение военного могущества обеих коалиций всецело перешло на ее сторону» [8. С. 615-618]. В справедливости данного утверждения легко убедиться хотя бы взглянув на соотношение сил в январе 1917 года: 425 дивизий у Антанты против 331 дивизии у Центральных держав или 21 млн. человек против 10 млн. [13. С. 13-14]. Учитывая тот факт, что к союзникам готовились присоединиться САСШ, их перевес над противником в обозримом будущем грозил стать еще более подавляющим.

Надо отметить, что кайзер и его сателлиты сами прекрасно осознавали всю сложность своего положения, не планируя на грядущую кампанию ничего кроме ухода в глухую оборону по всем ТВД, и даже предприняли первую попытку начать мирные переговоры, впрочем, не давшую никаких результатов из-за нежелания самих инициаторов отказываться от захваченных территорий и возмещать нанесенный ущерб. В лагере Антанты, чьи представители зимой 1917 года собрались на межсоюзной конференции в Петрограде, напротив, обсуждали детали всеобщего наступления с целью окончательно добить неприятеля, а также послевоенный дележ трофеев. В том числе и Россия.

В советское время процессы, приведшие к отречению императора Николая II, во многом было принято объяснять тем, что царская империя «надорвалась в результате сплошных поражений на фронте и непосильных тягот в тылу», а потому выиграть войну была не способна, и даже если каким-то чудом дотянула до победы своих союзников, все равно не смогла бы претендовать ни на какие существенные приобретения. В общих чертах данная версия распространена в общественном мнении и в настоящее время, однако, не отрицая того факта, что война 1914-1918 гг. легла тяжелым бременем на население и экономику дореволюционной России, она содержит в себе ряд весьма спорных положений.

Еще до Петроградской конференции, когда исход противостояния был далеко не предопределен, Российская империя заключила с Англией и Францией т.н. договор «Сазонова-Сайкса-Пико», согласно которому ее владениями признавались обширные области Западной Армении, Северного Курдистана, а главное, давались гарантии на заветные проливы Босфор и Дарданеллы вместе с Константинополем [16. С. 187-188]. Параллельно с этим был подписан секретный союзный договор с Японией, фактически разграничивший Китай на сферы русского и японского влияния и обязывавший обе стороны противодействовать проникновению третьих сил в зону их интересов [21. С. 191-192]. Позднее, уже во время самой межсоюзной конференции Россия и Франция условились об обоюдном признании за собой права на определение своих будущих границ в Европе [22. С. 106-107]. Активное участие русская дипломатия принимала в обсуждении по определению будущих границ и политического строя новых государств, которым

предстояло появиться на карте мира, таких как Чехия и Польша [1. Л. 20-21]. Обобщая вышеперечисленное, царское правительство добилось для России максимума выгод в решении наиболее важных для нее внешнеполитических вопросов: утверждение русских интересов на Ближнем и Дальнем Востоке, принадлежность черноморских проливов, раздел Австро-Венгрии и проч... Доля от победного пирога (и не только) более чем достойная и крайне маловероятно, что, дававшие такие гарантии, далеко не последние по значимости державы, стали бы заключать подобные соглашения со слабым, зависимым, списанным со счетов партнером.

Что показательно, помимо международных соглашений, эти грядущие приобретения должен был обеспечить и силовой фактор, так как в генеральном наступлении Антанты Российская империя собиралась принять наиактивнейшее участие. 11 (24) января императором Николаем II был утвержден довольно амбициозный план весенней кампании 1917 года, предусматривавший крупномасштабные операции по всем фронтам от Рижского залива до дельты Дуная с нанесением главных ударов на Вильно, Львов и Добруджу [18. Л. 284], а также высадкой морского десанта на Босфоре для овладения Константинополем. В начале года в качестве пробы сил 12-й армией Северного фронта было проведено частное наступление под Митавой, увенчавшееся локальным успехом, наглядно продемонстрировав, что у русских не только А.А. Брусилов научился прорывать позиционную оборону. Определенно российское правительство и военное командование довольно оптимистично смотрели в будущее, что маловероятно в условиях реально крайне бедственного положения дел.

Разумеется, в воюющей стране неудачный ход боевых действий и истощение необходимых ресурсов может создать революционную ситуацию, что, к примеру, случилось со всеми проигравшими державами в конце войны, но какие же из этих предпосылок имели место именно в Российской империи начала 1917 года и насколько серьезные?

Так, при разборе первого тезиса о «безуспешности» военных усилий Русской императорской армии возникает логический вопрос – почему в таком случае революция не началась после 1915 года, ознаменовавшегося т.н. «Великим отступлением» и «снарядным голодом», а, следовательно, куда больше подходящего под определение «провальной кампании»? Ведь, как не парадоксально, «Февраль» грянул за кампанией 1916 года, в которой русскими войсками были одержаны крупные победы на Юго-Западном и Кавказском фронтах, да и на тех, где, хотя и не удалось достичь стратегических прорывов, по свидетельствам иностранных наблюдателей имелись свои местные успехи с «занятием целого ряда немецких позиций». [15. С. 191]. Операцию по спасению Румынии от полной военной катастрофы с ее масштабной рокировкой войск и срывом очередных немецких «Канн», так и вовсе можно считать выдающимся достижением русского командования.

Учитывая также, что за 1916 год врагу не было сдано ни пяди земли, можно смело констатировать, как минимум об удовлетворительности действий вооруженных сил империи в предреволюционную кампанию.

Тем не менее, в настоящее время существует тенденция даже очевидные победы царской армии подавать, как операции (яркий тому пример – знаменитый Луцкий прорыв) по трупозаваливанию противника, что автоматически отсылает к другому избитому тезису о чрезмерном самоистощении России, в своей абсурдности иной раз доходящему до утверждений о «полном исчерпании людских резервов». Обратившись к «Докладной записке по особому делопроизводству» № 4 (292) от 13 (26) февраля 1917 г., можно установить точные цифры общих потерь русской армии на момент начала революции: убитыми и умершими от ран – офицеров 11884, нижних чинов – 586880; отравленными газом соответственно – 430 и 32718; ранеными и больными – 26041 и 2438591; контуженными 8650 и 93339; без вести пропавшими – 4170 и 15707; в плену находилось 11899 офицеров и 2638050 солдат. Итого: 63074 офицера и 5975341 солдат [20. Л. 98]. Потери действительно немалые, однако, во-первых – вполне сопоставимые с прочими основными участниками конфликта, во-вторых – не играющие существенной роли для молодой, переживающей демографический подъем, 180-миллионной нации. Более того, в годы Первой мировой войны продолжала увеличиваться численность населения страны, по самому минимальному расчету выросшее с 1 января 1914 по 1 января 1917 года на 1,9% или 2,6 млн. человек. Такой «естественный прирост населения Российской империи в течение 1914-1916 годов был столь значителен, что количественно не только компенсировал, но даже перекрывал гибель солдат и офицеров в ходе боевых действий» [9. С. 47-48].

Также широко распространено мнение, что огромные потери кадрового состава существенно надломили моральный дух армии, доведя ее боеспособность до критически низкого уровня уже к концу 1916 года. Однако сомнительность данного тезиса находит свое подтверждение даже в отзывах вражеской стороны. Так, к примеру, корреспондент венгерской газеты «Пештер Ллойд», будучи свидетелем боев в Галиции в сентябре 1916 года, отмечал следующее: «Качество русских солдат, как всегда, очень хорошее. Правда, теперь они представлены разными возрастами, от 19 до 40 лет, и обучены менее тщательно, чем ранее, но в общем это прекрасные солдаты. Их снаряжение, обмундирование и обувь – отличного качества» [2. С. 100]. То есть, невзирая на значительную убыль изначального рядового состава, его разбавление призывниками различных категорий и, естественное при таком раскладе, снижение качества войск, русская армия была еще явно далека от состояния упадка.

Скептики могут заявить, что большие военные мобилизации населения вызвали нехватку рабочей силы в тылу, тем самым подорвав экономическую

стабильность, но и в этом отношении империя оказалась далеко не в худшем, а даже лучшем положении. Доля мобилизованных в России была наименьшей – всего лишь 39% от всех мужчин в возрасте 15-49 лет, тогда как в Германии тот же показатель – 81%, в Австро-Венгрии – 74, во Франции – 79, Англии – 50, Италии – 72... [3. С. 120]. К тому же, наша страна являлась едва ли не единственным участком войны, не испытывавшим проблем с продовольствием. «В целом хлебный ресурс Российской империи к весне 1917 г. составил около 3793 млн. пудов хлеба при общей потребности страны в 3227 пудов» [14. С. 62]. И это в то же время, как в Центральных державах свирепствовал самый настоящий голод, унесший сотни тысяч жизней гражданского населения.

Относительно предстоящей кампании британский военный атташе при русской армии генерал А. Нокс оставил следующий прогноз на основе личных наблюдений: «Накануне революции перспективы кампании 1917 г. были более радужными, чем в марте 1916 ... Русская пехота была усталой, но не так как двенадцать месяцев назад. Запасы оружия, боеприпасов и техники были больше, чем накануне мобилизации 1914 г. и намного больше, чем весной 1915 или 1916 гг. Ежедневно улучшалось командование. Дух армии был здоровым. Солдаты после зимней передышки забыли бы перенесенные испытания и наступали бы снова с тем же подъемом, как и в 1916 г. Нет сомнений, что если бы ткань нации в тылу не порвалась, русская армия снискала бы себе новые лавры побед в кампании 1917 г. По всей вероятности, она оказала бы на противника нужное давление, чтобы сделать победу союзников возможной к концу года» [24. Р. 551-552]. Об объективности данной оценки можно судить по ряду параметров:

При всех своих изъянах Русская императорская армия представляла из себя наиболее многочисленную вооруженную силу примерно в 10 млн. человек (из 21 млн. войск Антанты в целом) и «...к середине января 1917 года эта армия удерживала на своем фронте 187 вражеских дивизий, т.е. 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах» [7. С. 13], иными словами, располагала, как минимум двукратным повсеместным перевесом над своими врагами. Учитывая гораздо большую протяженность Восточно-Европейского фронта в сравнении с Западно-Европейским (1930 км против 630 км), не считая еще Кавказско-Персидского фронта (1100 км), а значит меньшую плотность концентрации войск, насыщенность фортификационными сооружениями и более доступную возможность для маневра, вероятность осуществления прорыва вражеской обороны с последующим выходом на оперативный простор представлялась весьма вероятной.

Тем более, что техническое оснащение русских армий достигло наивысшего уровня с начала войны и определенно позволяло обеспечить реализацию стратегических планов Ставки: на каждое легкое орудие было изготовлено по 3 тыс. снарядов, на тяжелое – 3,5 тыс. по производству винтовок

за 1916 год Россия (1 миллион 200 тысяч) обошла Францию (800 тысяч) и Англию (853 тысячи) [19. С. 39], все больше вступало в строй новейших образцов вооружений, таких как тяжелые мортиры, зенитки, броневики, аэропланы, дредноуты, автоматические винтовки, а общий рост экономического потенциала империи составил 21,5% в сравнении с 1913 годом. Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал А.А. Маниковский не без гордости расписывал достигнутые успехи: «Если взять расчет по той норме, сколько верденские орудия выпускали снарядов в сутки, и начать наступление по всему фронту, то есть от Балтийского моря до Персии, то мы могли на всем этом протяжении поддерживать из наших орудий верденский огонь в течение месяца» [23. С. 161]. Ни о какой нехватке боевых средств, которой так любят попрекать царское правительство и генералитет уже не могло идти и речи.

Однако, что наиболее любопытно, так это показания непосредственного противника, а именно начальника германского Генерального штаба П. фон Гинденбурга, писавшего в своих мемуарах: «С точки зрения численного превосходства, представлялось, что большая угроза находится на Восточном фронте. Мы должны были ожидать, что зимой 1916-1917 гг., как и в прошлые годы, Россия успешно компенсирует потери и восстановит свои наступательные возможности. Никаких сведений, которые бы свидетельствовали о серьезных признаках разложения русской армии, к нам не поступало... Столкнувшись с превосходством России, мы не могли безбоязненно смотреть на состояние австро-венгерской армии... Мы должны были учитывать, что атаки русских могут еще раз привести австрийские позиции к коллапсу...» [25. Р. 243]. Получается, самого фатального для себя удара в 1917 году Центральные державы ожидали со стороны, якобы «самого слабого звена» Антанты.

Как ни странно, это покажется, но как раз близость победного исхода, стало одной из причин февральских событий. Так, одна из главных фигур заговора против императора П.М. Милюков недвусмысленно утверждал впоследствии: «Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление (весной 1917 года), результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота...» [11. С. 44-45]. Выходит, представители думской оппозиции, на чьих громких утверждениях до сих пор базируются мнения о «бездарном, прогнившем царизме», прекрасно отдавали себе отчет о реальном положении дел на фронтах и в тылу, и все их изменнические по сути действия были направлены не только на захват власти, но и присвоение себе победных лавров.

Для полноты картины не лишним будет проанализировать сами наступательные операции, в соответствии с еще дореволюционным планом предпринятые уже демократизированными вооруженными силами «свободной России», более известные, как «наступление Керенского», несмотря на свой бесспорный провал содержащие в себя несколько интересных деталей. При описании боевых действий лета 1917 года, генерал Н.Н. Голловин, помимо образцового тактического планирования и сосредоточения еще небывалых артиллерийских и технических средств, отмечал в большинстве произведенных атак одну нелицеприятную закономерность. Сначала, массированный огонь русской артиллерии буквально сметал с лица земли долговременные вражеские укрепления, после чего пехота шла вперед, главным образом силами отборных частей добровольцев–ударников, без особых затруднений занимая участки позиций противника, и просто останавливалась, никак не развивая достигнутый успех [4. С. 472].

Пожалуй, наиболее вопиющим примером такого противоестественного явления может считаться Кревская операция 10-й армии Западного фронта, в следующих выражениях охарактеризованная командовавшим этим наступлением А.И. Деникиным на совещании в Ставке 16(29) июля: «Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две, три линии окопов противника и... вернулись в свои окопы. Операция была сорвана. Я на 19-верстном участке имел 184 батальона и 900 орудий; у врага было 17 батальонов в первой линии и 12 в резерве при 300 орудиях. В бой было введено 138 батальонов против 17 и 900 орудий против 300» [5. С. 104].

Несколько лучше обстояли дела на фронтах, в меньшей степени подвергшихся разлагающему влиянию революционных центров в тылу – Юго-Западном и Румынском, но и там картина была весьма схожей. Действовавшие на направлении главного удара 11-я и 7-я армии «несмотря на победу 18 и 19 июня (1 и 2 июля)» дальше, уже прорванных, немецких линий обороны наступать отказались, считая «свой долг выполненным» [10. С. 115]. Однако на левом фланге, отчасти сохранившая прежний запал, 8-я армия генерала Л.Г. Корнилова прорвав фронт, все же стала продвигаться глубоко в расположение противника и довольно успешно. «Большие русские силы прорвали австро-венгерский фронт между Зборовом и Бржезинами. Австро-венгерские войска массово сдавались противнику... русское наступление на 3-ю австро-венгерскую армию южнее Днестра увенчалось полным успехом. Австро-венгерские войска подались назад; только что прибывшая свежая германская дивизия пыталась остановить отступление, но была увлечена общим потоком. Русские продвинулись до Ломницы и заняли Калуш. Положение главнокомандующего Восточной зоной было критическим» – так оценивал серьезность сложившейся ситуации Э. Людендорф [12. С. 28]. Данный прорыв в полосе сугубо вспомогательного удара стал своеобразной демонстрацией того, насколько результативным должно было

быть генеральное наступление, не порази русскую армию недуг под названием «Приказ № 1».

Впрочем, ценой достигнутого стали последние отборные части тех многочисленных полков пехоты, сохранивших боеспособность и понятие долга. Ввиду потери здоровых элементов, армии Юго-Западного фронта вскоре не только утратили боевой порыв, но и стали стремительно отходить, попав под германский контрудар из, наспех собранных, резервов с французского ТВД. 6 (19) июля немцы атаковали левый фланг, хотя и более многочисленной, но при этом и самой деморализованной 11-й русской армии, из-за чего та обратилась в самовольное бегство, увлекая за собой соседей. Как следствие, фронт в Галиции откатился еще дальше исходных позиций, к тому же этим оказался сведен на нет и явный успех русско-румынской группировки, параллельно ведших наступление в направлении на Фокшаны, продвинувшись на 20-25 км. Генерал В.И. Гурко с горечью констатировал: «Наше наступление могло закончиться только разгромом тех немногих все еще сохранивших боеспособность полков, которые двинутся вперед, оставляя позади основную массу армии, неспособную отразить даже самые робкие контратаки противника» [6. С. 370].

Наконец, был поставлен крест и на предприятии, которому в кампании 1917 года отводилось едва ли не наиболее яркая и знаковая роль – Босфорском десанте. Вместо высадки в районе проливов Черноморский флот избрал своей целью приморский турецкий городок Орду, где предполагалось установить будущую русско-турецкую границу. Высадившаяся там 13 (26) августа, 123-я пехотная дивизия отметилась в этом, совершенно не укрепленном, городе, как банда мародеров и насильников, осуществивших «... довольно хорошо организованный грабеж с мощной поддержкой флота» [17. Л. 141, 143]. Само собой, при таких обстоятельствах ни о каком «взятии Царьграда» мечтать уже не приходилось.

Между тем, важно подчеркнуть, что фиаско лета 1917 года, прежде всего результат падения моральной стойкости и дезорганизации русских войск под влиянием сумасбродной политики Временного правительства и пораженческой пропаганды большевиков, а не военного превосходства противников. Из приведенных выше примеров отчетливо видно, что только пассивность основной части вооруженных сил России и позволила Германии, не говоря уже о ее куда более слабых сателлитах, удержаться на Восточном фронте и избежать, нависшей над ними, военной катастрофы. Одно то, что для организации единственной контратаки под Злочевом, командованию рейхсвера пришлось осуществлять рискованную переброску контингентов с Западного фронта, говорит о том, что необходимых резервов для латания больших брешей в масштабах всего Восточно-Европейского ТВД у него под рукой не имелось. Тактические успехи Центральных держав были достигнуты по большей части за счет уклонения разложившейся солдатской массы от се-

рьезного боя, но даже в таких благоприятных условиях противник уже не мог развить их в решительную победу, будучи вынужденным остановиться перед сопротивлением отдельных русских подразделений (в основном кавалерии, артиллерии и бронепоездов), сохранивших порядок. Перейти в крупномасштабное наступление и оккупировать обширные территории бывшей Российской империи германские, австро-венгерские и турецкие войска смогли лишь, когда правительство Ленина-Троцкого полностью распустило остатки старой армии, так как даже при массовом дезертирстве и парализованной экономике к 1 октября 1917 года на 100 верст русского фронта находилось со стороны России 86 тысяч штыков пехоты против 47 тысяч у противников, 5 тысяч шашек против 2 тысяч, 263 легких орудия против 166, 47 гаубиц против 61 и 45 тяжелых орудий против 81 [13. С. 27].

В области же глобальной стратегии упадок русской армии выразился в срыве обще коалиционного натиска Антанты. Пока А.Ф. Керенский разъезжал по фронту, буквально уговаривая солдат исполнять свой долг, а командующие армиями пытались хоть как-то привести своих распутившихся подчиненных в состояние боеготовности, англичане, французы и итальянцы были вынуждены начать запланированное наступление без участия восточного союзника, между прочим, представлявшего из себя почти половину боевой мощи держав Согласия, с разницей в два-три месяца. Все это закономерно обернулось крупными потерями союзников при минимальном прогрессе, потому как неприятель, пользуясь выгодой своего центрального положения, сумел отбиться от них по очереди. Все тот же Э. Людендорф, фактически пребывавший во главе германской военной машины откровенно признавал: «...я все же должен дать себе отчет в том, как сложилась бы обстановка, если бы русские в апреле или мае перешли в наступление и одержали, хотя бы незначительные успехи. Мы оказались бы тогда, как и осенью 1916 г., втянутыми в чрезвычайно тяжелую борьбу... Когда теперь я мысленно переношу русские июльские успехи на апрель или май, то с трудом представляю, как бы верховное командование вышло из создавшегося положения. В апреле и мае 1917 г., несмотря на одержанную победу на Эне и в Шампани, только русская революция спасла нас от гибели» [12. С. 20-21].

Конечно, нельзя абсолютно точно судить, как все могло сложиться при иных обстоятельствах, и, тем не менее, на основе статистических данных, свидетельств непосредственных очевидцев и углубленного разбора известных исторических фактов вполне можно воспроизвести по крайней мере приблизительный ход альтернативного развития событий. В частности, учитывая реалии конца 1916 – начала 1917 гг., трудно спорить с тем, что Россия, несмотря на 2,5 года напряженного противостояния Великих держав, располагала более чем достаточными силами, чтобы выйти из Мировой войны триумфатором и даже внести решающий вклад в победу коалиции. Не утратить русские армии дисциплину и внутреннюю спайку в результате

всеобъемлющей «демократизации», и своевременно перейти в совместное наступление со своими союзниками, как «...те самые армии, которые год тому назад в победном шествии своим взяли Луцк, Броды, Станиславов, Черновицы...» [7. С. 170] военных крах германского блока стал бы реально-стью уже в весенне-летних боях кампании 1917 года. Даже, если германская армия сумела бы отразить русский натиск (хотя пример Кревской операции убедительно показал, что и ее оборону можно прорвать) малой кровью, то Австро-Венгрия и Турция удара России в полную силу, очевидно, не выдержали бы и в скором времени запросили мира, к чему затем неизбежно присоединилась бы и Болгария. По аналогии с 1918 годом, потеря союзников ставила кайзеровскую Германию, пусть и сохранившую способность к сопротивлению, в абсолютно безнадежное положение, в конечном итоге вынуждая капитулировать, тем более что в отличие от своего национал-социалистического приемника в 1945 году, Второму рейху не было никакой жизненной необходимости драться до последнего солдата, доводя и без того проигрышную ситуацию до переноса боевых действий на собственную территорию со всеми разрушительными последствиями. Такими образом, с большой долей вероятности война могла успешно окончиться по достижению нашими войсками границ Восточной Пруссии, Привислинских губерний и Бескидских Карпат.

В действительности все сложилось совершенно иначе, и, вне зависимости от чьих-либо предпочтений, историю не переписать, однако сослагательное наклонение в ней должно присутствовать, хотя бы для того, чтобы последующие поколения могли объективно оценивать прошлое, реально учиться на его трагических ошибках и не повторять их в будущем под влиянием отнюдь не безобидных исторических мифов о своей стране, по сей день существующих в различных политических и идеологических интересах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Секретный Архив». Оп. 467. Д. 678/718.
2. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). 1916 год. Сверхнапряжение. М.: Кучково поле, 2015. Т. 3.
3. Волков С.В. Почему РФ – еще не Россия. Невостребованное наследие империи. М.: Вече, 2010.
4. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Т-в объединенных издателей, 1939.
5. Гончаров В.Л. 1917. Разложение армии. М.: Вече, 2010.
6. Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914-1917. М., 2007.
7. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. Мн., 2002.

8. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2002.
9. *Исупов В.А.* «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки». Новосибирск, 2000.
10. *Кавтарадзе А.Г.* Июньское наступление русской армии в 1917 году. М.: Военно-исторический журнал, 1967.
11. *Коняев Н.М.* Гибель красных моисеев. Начало террора 1918 г. М.: Вече, 2004.
12. *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., 1924. Т. 2.
13. Мировая война в цифрах. М., Л.: Государственное военное издательство, 1934.
14. *Оськин М.В.* Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3.
15. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991.
16. «Раздел Азиатской Турции по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел». М.: Изд. НКВД, 1924.
17. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 875.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63.
19. Россия в первой мировой войне 1914-1918 годах (в цифрах). М.: Издание, 1925.
20. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 186.
21. «Сборник договоров и других документов по истории международных отношения на Дальнем Востоке (1842-1925)». М., 1927.
22. «Сборник секретных документов из архива бывш. Министерства иностранных дел». Петроград, 1917. Т. III.
23. *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М.: Современник, 1989.
24. Sir Alfred Knox. With the Russian Army, 1914-1917. London, 1921.
25. *Marshal von Hindenburg.* Out of my life. Cassel and company, LTD, London, New York, Toronto and Melbourne, 1920.